

Какаши дожидается, пока генины пройдут по тропе около десяти минут, и занимает место напротив Курамы. Рыжий смотрит на него с легким интересом, что гораздо лучше, чем то рычание, огрызание и огрызание, которое Какаши получил, когда вчера утром пошел будить другого джоунина.

Честно говоря, Какаши даже не подозревал, что тот может быть сварливым - хотя, конечно, возможно, прислониться к Кураме и разбудить его было не самым лучшим способом добиться его расположения. У него быстрые рефлексy, и только Какаши, выкравший из-под подушки три куная и набор отравленных сенбонов, не дал этим рефлексам стать смертельно опасными.

Но сегодня утром Курама спокоен, что-то легкое есть в его плечах и чертах лица. Его голубые глаза спокойны и почти безмятежны, а в первых лучах рассвета, проникающих сквозь деревья, его гранатовые волосы сияют ярче углей. В этом свете шрамы на его лице выглядят мягче, не столько добрее, сколько меньше. Золотистая кожа сияет, татуировка в виде печати мерцает слабым фиолетовым светом, и выглядит он как-то странно и одновременно совершенно подходяще для этого места, для этого момента внутри времени.

Курама красив, хотя никто и никогда не примет его за женщину.

Какаши никогда не считал, что красота ограничивается одним полом.

Он прямо смотрит в голубые глаза, и они смотрят на него в ответ, задумчиво и спокойно, без малейшего намека на трясущегося, убитого горем человека, который на днях выбежал из квартиры Какаши, словно за ним по пятам неслась целая стая пропавших нин. Вместо этого здесь царит спокойствие, близкое к принятию, и Какаши решил, что это как нельзя более подходящий случай.

В последнее время он только об этом и думал, не считая планирования этой поездки. Курама, его улыбка, его смех, его губы, его язвительный юмор, острый край его языка и то, как его волосы, кажется, ловят свет и горят. Возможно, катализатором послужила Анко, но эти мысли не новы. Даже сейчас Какаши помнит тот полдень под дождем, когда весь мир был удивительным, а Курама был единственным, кто позволил ему увидеть это, увидеть свою деревню глазами чужака, не имеющего корней, которые могли бы удержать его на месте. Не тогда, но Какаши хотелось бы думать, что Коноха снова дала ему корни, привязала к людям, месту и идее.

Потому что Воля Огня горит в Кураме так же ярко, как и в любом шиноби, выращенном в Конохе, - иногда думает Какаши, - и он хорош для них, для всех них. Потерянный Узумаки, и, возможно, это судьба, что он поселился в Конохе после того, как так долго скитался с ветром. Другие Узумаки нашли здесь дом, и, если повезет и есть надежда, Курама тоже найдет.

На лице Курамы, наблюдающего за другим джоунином с кружкой чая в ладонях, застыло ожидание. Он пахнет слабым цветочным, изысканно острым ароматом, который наполняет легкие Какаши, когда он делает вдох, готовясь к нему.

"На днях", - тихо говорит он, и Курама не напрягается. Рыжий просто смотрит на него, хотя совершенно ясно, о чем он говорит. Другого ответа не последовало, и Какаши смирился с тем, что ему придется преодолевать трудности, и продолжил. "Это была... моя идея, и присутствие Анко, но..." Он замялся, не зная, как закончить предложение, сколько бы раз он ни прокручивал его в голове.

Ты хотела его поцеловать? Голос Ируки шепчет ему на ухо, и да, он хочет, и это половина проблемы. Какаши не делает таких вещей. Не заводит отношений. Не хочет целовать людей больше, чем на одну ночь. У него никогда не было стабильных отношений с кем-то еще, и мысль о том, что это будет его первый раз, когда это действительно важно, вызывает легкий ужас.

(Или полностью пугает, одно из двух).

Но Курама задумчиво наблюдает за ним, и в его голубых глазах появляется слабый теплый блеск, забавный, сочувствующий и добрый, и от этого в груди Какаши становится легче. Еще мгновение, и Курама опускает взгляд, смотрит на чашку в своих руках и осторожно крутит ее, заставляя бледно-зеленую жидкость мерцать.

"Но ты задаешься вопросом, может ли это быть чем-то еще? Что-то большее?" - заканчивает он за Копий-нина, и его рот слегка кривится. "Я... не совсем уверен". Еще одна пауза, на этот раз более продолжительная, и он медленно добавляет: "Полагаю... это зависит от того, что за "нечто большее" вы хотите получить". Язвительная улыбка становится сильнее, переходя в тоскливую. "Я... не умею быть случайным. Для чего угодно, но особенно когда речь идет о важных для меня людях, а ты именно такой, Какаши. Мой... последний партнер - я знал его с детства, и он был... ну. Первым и единственным, с тех пор".

"У меня больше опыта в отношениях, чем я могу утверждать", - не менее язвительно ответил Какаши. "Но... да. Не случайные отношения - это... хорошо. Лучше. Аргх." Он в досаде проводит руками по лицу, чуть не сбивая с него хитай-атэ и срывая маску. "Проклятье. Хреновые ощущения".

Курама смеется, ярко и испуганно, и звук этот великолепен и сладок в лучах утреннего солнца. Он ухмыляется, оглядываясь на Какаши, который просто замирает, потому что он из тех красавцев, которые просто не имеют смысла, и это...

Его волосы рассыпаются по плечам, гранаты, угли и пунцовые пряди, и одного этого достаточно, чтобы лишить Какаши всех его высших мозговых функций.

"Не волнуйся, - говорит он, продолжая тихонько хихикать. "Я никому не скажу, что они у тебя есть. Это будет нашим секретом". Поймав полунадежный, полунастороженный взгляд Какаши, он добавляет с теплой улыбкой: "И... я думаю, что мы вместе были бы... приемлемы. Может быть, даже хорошо". Он снова опускает взгляд на свою чашку, улыбка ослабевает, и он бормочет: "Я не знаю, насколько много, кроме "не случайно", я могу обещать, Какаши, но... я постараюсь, если ты хочешь".

"Маа, думаю, я смогу с этим жить", - отвечает Какаши, и ему кажется, что он чувствует облегчение, надежду, предвкушение и, может быть, даже восторг, но на самом деле, с этими эмоциями кто знает?

<http://tl.rulate.ru/book/100817/3458564>